

А. С. КОЗЛОВ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОППОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ФЕОДОСИЯ I В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В острой социальной борьбе, пронизывающей эпоху перехода от рабовладельческого строя к феодальному, поведение отдельных групп господствующего класса Поздней Римской империи играло немаловажную роль¹. Между тем, изменение в этот период характера господствующего класса и его организации изучено очень слабо². Наряду с недостаточной изученностью внутриклассовых противоречий в среде позднеримских собственников-рабовладельцев в советской исторической науке так же мало освещен вопрос о формах и содержании протеста различных прослоек господствующего класса по отношению к позднеримскому политическому режиму и конкретным методам государственной политики.

Внутриполитическая история империи в последней четверти IV в. обычно связывается с именем автократора Феодосия I и его преемников. Историческая значимость событий вызывает до сих пор поток исследований по социально-политической истории этого времени³, чему способствует большое количество источников. Но большинство работ зарубежных ученых посвящено тем сторонам внутренней политики, где позднеримское правительство выступает субъектом и инициатором системы воздействия на общество. Трудов, рассматривающих правящую верхушку Позднего Рима или Ранней Византии как объект целенаправленной критики и нажима со стороны определенных прослоек господствующего класса, в последнее время немного (таковы, например, исследования В. Кэги и Ф. Пашуда).

В советской литературе отдельные аспекты этой проблемы затронуты в работах М. Я. Сюзюмова⁴, З. В. Удальцовой⁵, Г. Л. Курбатова⁶. Однако вопрос о характере и развитии оппозиции византийскому правительству этого периода до сих пор не стал предметом специального исследования, хотя оппозиционные выступления были одной из самых распространенных форм борьбы с автократическим режимом и во многом влияли на характер социальных процессов⁷.

В данном случае под оппозицией понимаются слои, группы и фракции господствующего класса, выступающие против политики правительства в рамках, исключающих вооруженный протест. Безусловно, во все

периоды истории антагонистических обществ оппозиционно настроены к правительству были и народные массы. К. Маркс и Ф. Энгельс применительно к конкретной обстановке средневекового и капиталистического государства включали в оппозиционные элементы крестьянство и рабочих, пользовались дефинициями «плебейская оппозиция» и даже «общая оппозиция»⁸. Однако для периода революционных бурь слово *оппозиция* в отношении рабочего класса и крестьянства они употребляли редко и только при описании специфической, нетипичной ситуации. В большинстве случаев К. Маркс и Ф. Энгельс говорят об оппозиции отдельных групп господствующих классов. По В. И. Ленину, понятие *оппозиция* является «отражением и выражением такой политической ситуации, когда о восстании никто серьезно не говорит...»⁹.

В данной статье делается попытка охарактеризовать основные черты оппозиции правительству Феодосия I в восточной части Римской империи.

Феодосий пришел к власти в январе 379 г., получив из рук императора Грациана титул августа и должность правителя восточной части римской державы со всеми вытекающими отсюда полномочиями. Кроме традиционных в то время для Византии проблем социально-экономического и политического порядка Феодосию предстояло разрешить трудности, возникшие в результате взрыва социального движения на Балканах и Адрианопольской катастрофы 9 августа 378 г., из которых мы выделим следующие: 1) серьезный упадок уровня экономики на Балканах (особенно во Фракии) в результате военного поражения и вызванного этим оттока земледельцев из сел¹⁰; 2) опустошения, производимые варварами на Балканах¹¹; 3) развертывание на Балканах социального движения¹²; 4) гибель восточноримского войска и императора Валента¹³; 5) дезорганизация административного аппарата.

Преодоление или, по крайней мере, лимитирование последствий битвы под Адрианополем имело хотя и первоочередное, но все же не главное значение перед лицом общей для господствующего класса задачи — выхода из социально-экономических затруднений, возникших во второй половине IV в.¹⁴ Военная катастрофа лишь усложнила ситуацию. Валент жестоко поплатился за попытку превратить готов, перешедших Дунай, в своих подданных — земледельцев и рекрутов¹⁵. Этот просчет усугубился стремлением правительства сдерживать активность социальных слоев, особенно горожан, стремившихся выступить против варваров¹⁶. Симптоматично, что политическое брожение в Византии непрерывно нарастало со второй половины 60-х гг., несмотря на ряд маневров правительства¹⁷.

Сосредоточивая на первых порах внимание на военных вопросах (комплектование войска, усмирение или уничтожение варваров-грабителей¹⁸ и т. д.), Феодосий параллельно решал и задачи социально-экономического плана. Репрессивные меры переплетались с широкой демогией и практическими уступками определенным группам населения¹⁹. Однако указы, содержащие эти уступки, появляются лишь в 382 г. В первые годы правления Феодосий делал ставку на военную силу, вытесняя варваров за Дунай²⁰. Однако разрешить «готскую проблему»

только военным путем император не смог²¹. Последовала полоса заигрывания с вождями готов²² и народными массами. Торопясь укомплектовать армию из сил, враждебных варварам, и стимулировать подъем экономики на Балканах, правительство пошло на уступки колонам²³. Но это было лишь потребностью момента. В целом Феодосий обратился за помощью не столько к селам, сколько к городам, в пользу которых были проведены отдельные мероприятия. В 80-х гг. IV в. издаются указы, призванные упорядочить взимание податей (например: Cod. Theod., X, 24.3; XI, 1.19; XII, 6.17; 6.22). Остро нуждаясь в средствах, правительство угрожало казнью магистрам за непредоставление денег, полагающихся казне (Cod. Theod., X, 24.3; XII, 9.2). Но реорганизация Феодосием работы налогового ведомства была восстановлением традиционной для домината фискальной системы²⁴, отвечавшей интересам крупной землевладельческой и торгово-ростовщической знати. В этом отношении ряд его указов, демагогически апеллировавших к горожанам в целом, объективно консервировал позднеантичную систему городской жизни. Так, было запрещено взимать с бедняков деньги на общественные удовольствия (Cod. Theod., VIII, 11.4). Получил юридическое подтверждение и дальнейшее развитие институт *defensor civitatis*²⁵. Жителям Константинополя было добавлено для раздач 125 мер хлеба (Cod. Theod., XI, 24.2). На случай голода были созданы запасы зерна²⁶.

В известной мере смягчению недовольства должны были служить и указы, регламентирующие власть и судопроизводство чиновников. Так, запрещалось разбирать судебные дела, которым минул год (Cod. Theod., IX, 36.1). Запрещались обвинения «через письма» (Cod. Theod., IX, 1.15). Правительство формально выступало против алчности магистратов всех рангов (Cod. Theod., VIII, 4.15; IX, 10.14; 27.7); смещение видных лиц, отражавшее сдвиги в правящих кругах, сопровождалось заверениями в заботе о благе народа²⁷.

Восстанавливая пришедшее на Балканах в упадок сельское хозяйство, Феодосий старался в первую очередь удовлетворить интересы фиска и крупных землевладельцев. Поскольку самой острой была проблема рабочей силы, правительство боролось за возвращение рабов к их владельцам, а колонов — в имения, к которым они были прикреплены²⁸. В 386 г. вышел указ о прикреплении к земле палестинских колонов, отмечавший, что в остальных провинциях закон уже удерживает колонов вечным принудительным правом (Cod. Just., XI, 51). В 391 г. Феодосий упразднил обязанность свободных землевладельцев уступать землю только членам их общин (Cod. Theod., III, 1.6). *Consortium*, таким образом, лишился определенного средства защиты от посягательств зажиточных лиц²⁹. В то же время правительство пыталось привлечь рабочую силу на запущенные частные и государственные земли предоставлением известных льгот, что способствовало распространению мелкого землевладения³⁰, укрепление которого было основной тенденцией исторического развития.

Фактором, укрепляющим авторитарный режим, было определение правительством православия как ортодоксального учения. В условиях социальных волнений упрочение диктатуры было невозможно без при-

знания главенствующим христианства того толка, который исповедовали слои населения (в первую очередь, слои господствующего класса), заинтересованные в скорейшей стабилизации. Ко времени Феодосия им было никейское православие. Арианство, исповедуемое предшественниками Феодосия (кроме Юлиана и Иовиана), к 70-м гг. лишилось поддержки известной части господствующего класса³¹. Генетически связанное с демократическими кругами городов Востока³², арианство теперь было скомпрометировано в глазах горожан из-за принявших его готов-грабителей³³. Православие же, являвшееся до Феодосия знаменем оппозиции, поддерживалось и некоторыми *principales* и средними муниципальными собственниками (в том числе куриалами). Тенденция к слиянию военно-чиновной служилой знати, сенаторской аристократии и верхушки куриалов, обусловленная сближением их социально-экономических позиций, оформлялась примирением на базе никейства³⁴. Эпоха относительной веротерпимости кончилась³⁵. Стремясь заручиться поддержкой указанных слоев и подавить социальные смуты, правительство за два года создало мощный идеологический пресс, подкрепленный соответствующими административными мерами. Почему-то в литературе не обращалось особого внимания на темпы создания этого «пресса». Между тем они показывают, что Феодосий с самого начала пользовался сильной поддержкой определенных слоев господствующего класса, что оппозиция была и опасна, и в то же время — рыхла и слаба, так как не смогла организовать действенного отпора. Видимо, следует выделять четыре этапа деятельности правительства в указанном плане: 1) издание знаменитого фессалоникского эдикта *de fide catholica*, адресованного народу Константинополя — февраль 380 г. (*Cod. Theod.*, XVI, 1.2)³⁶; 2) издание 10 января 381 г. эдикта, уточнявшего фессалоникское постановление; господствующим признавался никейский символ (*Cod. Theod.*, XVI, 5.6); 3) созыв в июле 381 г. в столице церковного собора, названного позже вторым вселенским собором; оформление победы православия³⁷; 4) предписание Авзонию, проконсулу Азии, чтобы во главе всех церквей стояли православные епископы — 30 июля 381 г. (*Cod. Theod.*, XVI, 1.3).

Отныне догматы фиксировались не церковью, а правительством³⁸. Привилегии формально обеспечивались за общественными группами, исповедующими православие.

Идеологическое давление на народные массы и на часть господствующего класса дополнялось давлением финансово-экономическим. Основным материальным фактором, вызывавшим недовольство масс и появление оппозиции в среде знати, был налоговый гнет. Подданные страдали от составления чиновниками при сборе налога неправильных расписок (*Cod. Theod.*, VII, 4.18; XI, 2.5; XII, 6.17—18; XIII, 11), от практики сбора налогов и экзакторами и военными-опинаторами одновременно³⁹, от поборов солдат на постоях (*Cod. Theod.*, VII, 9.3). Комплектуя армию после адрианопольской катастрофы, правительство ввело новый экстраординарный побор, вызвавший волнения во многих крупных городах Востока⁴⁰. Хотя при Феодосии и сохранился в сокращенном размере *follis* (*Cod. Theod.*, VI, 2.15), *aurum coronarium*, возла-

гаемый на лиц, носящих титул клариссимов, был оставлен без изменения, что не могло не сказаться на отношении сенаторского сословия к правительству⁴¹. Известна оппозиция к правительству Феодосия, организованная римским сенатом, знаменем которого было язычество⁴². Зосим отмечал нерешительную позицию сенаторов Константинополя в вопросе об объявлении войны римскому узурпатору Максиму (Zosim, IV, 44.2). Инфильтрация в сенат некоторых представителей варварской верхушки вызывала недовольство аристократии, очевидно, уже при Феодосии⁴³. Однако то, что правительство старалось как можно меньше задевать интересы *honestiores*, крупных землевладельцев, сенаторов, определило слабость недовольства с их стороны. Другое дело — верхушка крупных городов. Как показал Г. Л. Курбатов, введение Феодосием экстраординарного побора ударило и по зажиточным куриалам⁴⁴. Положение менее состоятельных членов курий было совсем плачевным. Ритор Либаний многократно возлагает вину за бедность и страдания декурионов на чиновников и наместников (Liban., Or. II, 54; XXVII, 42; L, 12; XLV, 3 и т. д.). Ряд его речей направлен против лиц, олицетворявших правительственную власть над Антиохией, — Евтропия, Тисамена, Флоренция, Евставия и др. Комит Икарий, по Либанию, вознамерился уничтожить курии (Or. XXVIII, 4); консуляр Сирии Тисамен творил произвол, досрочно требуя налоги (Or. XXVIII, 19); консуляр Флоренций брал взятки и обирал торговый люд (Or. XLII, 11 sq.). Многочисленная орава чиновников вызывает у Либания омерзение; факты физических расправ над горожанами — предмет его негодования (Or. XLV, 5). Между тем, по мысли Либания, курии так же важны для городов, как для корабля — киль (Or. XXVIII, 4). Подрывая положение курий, магистраты и правительство наносят ущерб городам и войскам, живущим за счет благополучия полисов⁴⁵.

Однако, что касается царственных особ, Либаний не идет дальше открытой оппозиционности давно почившим императором Константином и Констанцией (Or. XVIII; XXX; XLVIII; LXII). Феодосий — вне открытой критики. К Феодосию обращены униженные просьбы антиохийского ритора — за лиц, томящихся в застенках (Or. XLV), и в целом за антиохийцев, провинившихся во время событий 387 г.⁴⁶ Возможно, известный оппозиционный заряд содержали нападки Либания на политику найма варваров Константинополем (Or. XVIII, 33—34), — политику, осуществляемую и Феодосием. В целом позиция Либания умело завуалирована: обличение Констанция призвано дать пример негативной, нежелательной для подданных политики; восхваление Юлиана (Or. II, XII) — политики, отвечавшей интересам курий. Выступления против алчных наместников не связаны у Либания с требованиями конкретных предупредительных мер. Естественно, что следствием подобного протеста в лучшем случае могло быть наказание отдельных скомпрометировавших себя магистратов.

Поведение Либания во многом объясняет поведение городской верхушки в антиохийском восстании 387 г. Внеся вклад в разжигание недовольства горожан, владетельные куриалы, не справившись с ростом народного возмущения, пошли на компромисс с правительством и от-

делались испугом в период репрессий. Исследуя содержание и динамику восстания, Г. Л. Курбатов показал наличие тесного контакта верхушки куриалов и представителей верхушки местного клира. Социальные интересы куриалов и провинциальных епископов перевесили их идеологические расхождения перед угрозой со стороны народных масс⁴⁷. Оппозиция режиму Феодосия так и не переросла в среде Либания в откровенно враждебные реалии.

Разумеется, карательные акции только загоняли оппозицию внутрь, не ликвидируя ее окончательно. В условиях укрепления механизма социального гнета в лице православной церкви оппозиция выражала протест в форме ересей и язычества. Поэтому формально правительство обрушивалось на еретиков и язычников как на носителей враждебных идейных течений.

В законодательном порядке репрессии против язычников проводились на протяжении всего правления Феодосия⁴⁸. Законами 80-х — начала 90-х гг. (Cod. Theod., XVI, 7.1—5), как известно, стало более жестко проводиться в жизнь лишение «отступников» прав составлять завещания и пользоваться ими. Указом 381 г. правительство санкционировало против лиц, осуществляющих жертвоприношения, преследования, указом 385 г. — смертную казнь⁴⁹. Начиная с 80-х гг., правительство энергичными акциями против старинных центров языческого культа вызвало сопротивление групп, видевших в язычестве обоснование старых муниципальных порядков и сельского патриархального строя⁵⁰. Как известно, в Александрии язычники, «сговорившись между собой», дали отпор фанатикам, возглавленным епископом; понадобилось вмешательство — вначале городских магистров, а затем и императора (Созомен, стр. 502—503). В Аравии языческие храмы отстаивались жителями Петреи и Акрополиты, в Палестине — жителями Газы и Рафы, в Финикии — гелиополитами (Созомен, стр. 504). Жители Апамен (Сирия), найдя поддержку галилеян и «поселян, живущих около Ливана», дали отпор воинским отрядам во главе с епископом Марцеллом. Епископ погиб (Созомен, стр. 504—505; Феодорит, стр. 346—348). В Антиохии недовольство антиязыческими мероприятиями публично, хотя и в осторожной форме, высказал Либаний⁵¹. Однако в IV в. острых столкновений христиан и «эллинов» здесь не было⁵². Сравнительно умеренная оппозиция язычников Антиохии, очевидно, объясняется значительной зависимостью местных куриалов от столицы и их страхом перед брожением народных масс. Возбужденность же язычников-александрийцев, очевидно, в конечном счете сводилась к разорительной зависимости Египта от Константинополя.

Что касается разницы накала оппозиционности социальных слоев Византии, взявших на идеологическое вооружение язычество, и язычников Запада, то в этом вопросе следует признать правильность мнения Р. Ремондана: «Отсутствие в восточной части империи социальной силы, аналогичной римской знати, избавляло ее от языческого противодействия, подобного противодействию Евгения. Ни паганизм, который едва выжил в деревне, ни паганизм, который сохраняли маленькие сообщества философов, ни паганизм варварских вождей не были на это способны»⁵³.

Р. Ремондон, однако, не договаривает: какие социально-экономические условия породили эту ситуацию. Такие моменты, как наличие на Западе компактного крупного землевладения в условиях сильного податного гнета со стороны центрального правительства и действие римской культурно-идеологической традиции, делали сенаторов Рима «языческой оппозицией» Константинополю.

Царствование Феодосия подверглось резкой критике со стороны тех представителей господствующего класса Византии, которых условно можно назвать местной языческой оппозицией⁵⁴, — Евнапия и Зосима. И хотя Зосим жил в правление Анастасия, сравнение его положений с социально-политическими взглядами Евнапия показывает, что различия в оценке Феодосия у них нет. Дело не столько в том, что труд Евнапия был важнейшим источником для «Новой истории» Зосима, сколько в близости общественных позиций обоих писателей.

По Евнапию, Феодосий, получив власть, поступил подобно юнцу, приобретшему в наследство богатство отца и всеми средствами начавшему губить «то, что досталось» (Еупар., р. 244. 21—29). В то время как все виды пороков и необузданной страсти вели к «общему разрушению дел» (Еупар., р. 244. 27—29), император выказывал нерадивость и беспечность (Еупар., 245, 1—2). И если в одном месте Евнапий отмечает, что в правление Феодосия все расстроилось «по неумолимой силе, неизбежной и божественной необходимости» (Еупар., р. 249. 22—24), то в другом он прямо упрекает императора в использовании во вред свободы воли: «...хотя все можно изменить к единому государству и соединить человеческие дела, царские власти, взирая на то, что смертно, впадают в наслаждения, не испытывая и не прибирая к рукам бессмертия славы» (Еупар., р. 251. 11—14). В правление Феодосия царит налоговый произвол, произвол начальников (*hoi archontes*), а варварские отряды опустошают Фракию (Еупар., р. 245. 6—11, 29—30), и никто не препятствует неприятелю (Еупар., р. 248. 23—24.). Как верно заметил В. Кэги⁵⁵, Евнапий питал отвращение не просто к Феодосию, но к концентрации власти в руках одного человека; в этом плане апелляция Евнапия к «старине» выражала неприятие им автократической власти в Поздней Римской империи. Стараясь подчеркнуть гибельность правления Феодосия, Евнапий писал: «Обрушились столь великие бедствия, что золотом и каким-то светлым днем было то, чтобы варвары одержали верх» (Еупар., р. 245. 15—17; ср. Zosim., IV, 31.5).

У Евнапия есть только намеки на отдельные позитивные качества Феодосия. Это краткое описание грусти императора по поводу смерти жены (Еупар., р. 253.32—254.3) и констатация факта, что Феодосий обнаружил на пиру коварные замыслы готов (Еупар., р. 253.24—30).

У Зосима изображение Феодосия дополняется примерно теми же штрихами, что и у Евнапия. Характерно, что Зосим пытается выказать объективность, подчеркнув наряду с отрицательными качествами императора (в основном, морального свойства) и положительные⁵⁶. Но в целом правление Феодосия получает у автора «Новой истории» негативную оценку. Мероприятия этого императора вызвали «разрушения дел» (Zosim., IV.28.3; 41.1), «поворот к худшему» в государственном управле-

нии (Zosim., IV, 29.1), «порчу государства» (Zosim., IV, 33.4). В правление Феодосия возобладали евнухи-царедворцы и прочие «недостойные лица». Раздавая руководящие посты, император заботился не о добром звании и добродетельной жизни правителя, а о плате, которую тот внесет за свой пост (Zosim., IV, 28.3—4). В результате высокие должности получили всякие презренные менялы и ростовщики. Зосим резко критикует императора за увеличение числа администраторов и военачальников, практику продажи государственных должностей, непомерное увеличение налогов (Zosim., IV, 27.3; 28.3; 32.3), неслыханные милости к варварам-наемникам (Zosim., IV, 34.4—5; 56.1).

Таким образом, объектом критики Евнапия и Зосима явились в основном четыре момента в деятельности правительства Феодосия: 1) административно-военные нововведения; 2) засилие и произвол «недостойных» магистратов; 3) благосклонное отношение к варварам, явно враждебному элементу; 4) налоговый гнет.

Зосим особо выделяет то, что религиозная политика Феодосия имела бедственные последствия для империи. Прекращение жертвоприношений и забвение «отеческой веры» привело к тому, что «область римлян, постепенно уменьшенная, стала обиталищем варваров, или, по крайней мере,— совершенно лишенная жителей, пришла в такое состояние, что нельзя было узнать мест, в которых находились города» (Zosim., IV, 59.4). Таким образом, по Зосиму, религиозный произвол правительства дополнял административный, а внедрение христианских норм в общественную жизнь вызвало упадок Римской державы. Оппозиционность Евнапия и Зосима правлению Феодосия явно была одной из форм критики христианских правителей вообще. Протестуя против нарушения законности, старинного государственного устройства и правопорядка, Евнапий и Зосим не просто восставали против искажения правовых норм⁵⁷ и вульгаризации римского права режимом домината. Вульгаризация права осуществлялась, наряду с прочим, через влияние христианских норм и союза церкви с государством⁵⁸. Оппозиция Евнапия и Зосима правительственному произволу была поэтому и оппозицией данному союзу.

Однако чаще недовольство отдельных групп господствующего класса облекалось в форму еретических течений. В связи с тем, что правительство поддерживало православие, часть оппозиции формально выступала против никейско-каппадокийской догмы. Например, несмотря на преследования, продолжали существовать арианские группировки. Изгнание из столицы арианского епископа Демофила и его приверженцев и передача церковью православным не ликвидировали сборищ за городом (Сократ, стр. 395; Созомен, стр. 482). Евномий удалился в Вифинию, где образовался центр ариан⁵⁹. Эдикт от 10 января 381 г. грозил карой собственно арианам и арианским сектам (фотинианам и евномианам), которые, как следует из указа, имели приверженцев в провинциальных городах (Cod. Theod., XVI, 5.6). Разрешение Ульфиле, готскому епископу, иметь в столице арианский собор было уступкой не арианам вообще, а арианам-готам, военной опоре правительства. Приверженцы арианства долгое время пребывали даже при дворе и в чиновной среде (Филосторгий, стр. 402; Созомен, стр. 483).

На соборе 381 г. определилась оппозиционность приверженцев македониевой ереси, «которые большей частью были из городов, лежащих около Геллеспонта» (Созомен, стр. 485). На соборе македониан возглавили Элевсий из Кизика и Маркиан из Лампсака. Видимо, македониане отражали интересы части горожан указанного региона, недовольной централизаторской политикой Константинополя.

Правительство Феодосия предприняло только одну попытку переговоров с представителями еретических направлений. В 383 г. в столице созывался новый собор. Позиция господствующих церковных группировок была твердолобой: не рассуждать с неправославными, а спросить напрямик — «принимают ли они тех истолкователей и учителей священного писания, которые жили до разделения церквей» (Созомен, стр. 495). Собор не разрешил своей задачи, и правительство вновь вернулось к репрессивным эдиктам.

Еще в 381 г., издавая указ о запрещении еретикам иметь свои церкви, Феодосий, очевидно, ввел в систему антиеретический произвол, так как он не определял формы изъятия церквей у неправославных⁶⁰. В марте 382 г. эдиктом префекту претория Флору предписывалось создание специального института инквизиторов (*inquisitores*) для розыска еретиков (*Cod. Theod.*, XVI, 5.9). Группировкам евномиян, ариан, македониан, пневматомахов, манихеев и др. запрещалось сходиться в городах (*Cod. Theod.*, XVI, 5.11) и селениях (*Cod. Theod.*, XVI, 5.12). Как резюмировал Созомен, правительство постановило, чтобы неправославные «не имели наравне с прочими прав гражданства» (Созомен, стр. 496). В 387 г., во время похода императора на западноримского узурпатора Максима, в Константинополе произошло волнение ариан, слабо освещенное в источниках (Сократ, стр. 408—409; Созомен, стр. 501). Под влиянием слухов о мнимом поражении Феодосия еретики «сделались дерзкими и, сбежавшись, зажгли дом епископа Вектария в досаде, что он владеет церквами». Ближайшим ответом правительства был, видимо, закон от 9 августа 388 г. «Мы узнали, что кое-кто из ариан города — в то время как общее постановление наших предписаний обеспечивает защиту их, — что они позволили узурпировать те обычаи, которые, им кажется, способствуют их пользе. Это постановление должно быть отменено...» (*Cod. Theod.*, XVI, 5.16). Возможно, имело место выступление ариан-готов. Так или иначе, в конце 80-х гг. последовал ряд указов против еретиков⁶¹.

Как справедливо полагал еще Н. Чернявский⁶², антиеретическое законодательство Феодосия не представляет собой чего-то единого. Что касается социальных сил, стоявших за еретическими течениями того времени, то, чтобы не вульгаризировать ситуацию, скажем: в большинстве своем они сосредоточивались в городских центрах, переживавших мучительный для народных масс и даже для средних собственников процесс упадка мелких позднеантичных полисов и возвышения крупных.

Критические высказывания церковных историков в адрес Феодосия почти не сохранились. Например, в «Церковной истории» Филосторгия можно указать только одно место подобного рода. Патриарх Фотий, передавая содержание этого сочинения, постарался, очевидно, не повторять негативных намеков историка, который смеялся над невоздержан-

ностью Феодосия и его склонностью к роскоши (Филост., стр. 408), за что Фотий называет Филосторгия нечестивцем.

Известная критика Феодосия выражена и в «Церковной истории» Феодорита Кирского. В целом восхваляя императорскую справедливость и благочестие, Феодорит считал, что подавление Феодосием волнений в Фессалонике — следствие несдержанности гнева и скоропалительности решения (Феодорит, стр. 334). «...Царский гнев, как самовластный тиран, разорвав узы и свергнув ярем разума, обнажил не правосудно гнев на всех и вместе с виновными умерщвлял и невиновных, ибо семь тысяч человек было умерщвлено, говорят, без всякого суда и улики в сделанном преступлении...» (Феодорит, стр. 335. Подчеркнуто мной. — А. К.). Осуждение фессалоникийцев за бунт явно сопряжено с призывом к властям карать только виновников деликта и соблюдать правовые нормы. Феодорит явно боялся размаха народного движения и авторитарных перегибов одновременно.

Наконец, что касается форм протеста, присущих монашеству, то отметим: в нем продолжало доминировать неприятие гнетущей социальной действительности. Уже в 390 г. вышел закон, свидетельствующий о стремлении правительства элиминировать оппозиционность монахов. Закон предписывал разыскивать монахов и поселять в «пустынных местах и заброшенных уединениях» (Cod. Theod., XVI, 3.1). Видимо, монахи, бывшие крестьяне и ремесленники, а ныне — своего рода люмпен-пролетарии⁶³, являлись опасным «горючим» для городских волнений. В самом деле, указ 392 г. говорит, что некоторые монахи и их авторитет «усиливались судебными несправедливостями» (Cod. Theod., XV, 3.1). Указом 391 г. закон 390 г. сводился на нет: монахам разрешали доступ в города. Так как в начале 90-х гг. в империи наметилась активизация «языческой оппозиции», то правительство, видимо, хотело через церковь использовать монахов против недовольных куриалов и интеллигенции⁶⁴.

Приведенные факты дают основание полагать наличие в правление Феодосия систематизированных оппозиционных оценок (Либаний, Евнапий). Однако недовольство отдельных групп господствующего класса по большей части не принимало формы открытого несогласия в публицистическом или историко-художественном оформлении. Сталкиваясь с конкретными негативными реалиями, социальные группы отвечали конкретными же формами протеста. Однако при Феодосии крупные и средние собственники были слишком напуганы социальным движением на Балканах во второй половине 70-х гг. и городскими волнениями начала 80-х гг. IV в., чтобы действовать очень активно. Например, оппозиция муниципальных кругов, заинтересованных в сохранении полисных порядков, не вышла за рамки борьбы с местными чиновниками и риторической критики правительства. Распространение еретических течений дает основание полагать существование оппозиции в среде крупных земельных собственников.

Правительство отвечало на оппозицию репрессиями. Преследования лимитировали критику режима, но и вызывали ответное недовольство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А. Р. Корсунский. Проблема перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе.— ВИ, 1964, № 5, стр. 107; Е го же. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963, стр. 28—33; М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период.— АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972, стр. 8 сл.

² А. П. Каждан. Кризис и падение Римской империи.— ВДИ, 1966, № 1, стр. 137.

³ Из последних наиболее значительных зарубежных монографий отметим: A. Cameron. Claudian. Poetry and Propaganda at the Court of Honorius. Oxford, 1970; A. H. M. Jones. A History of Rome through the fifth century, v. 2. The Empire. L., 1970; W. E. Kaegi. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968; A. Lippold. Theodosius der Große und seine Zeit.— "Urban-Bücher", 107. Stuttgart, 1968; F. Paschoud. Roma aeterna. 'Etudes sur le patriotisme Roman dans l'Occident latin a l'époque des grandes invasions.— "Bibliotheca helvetica romana", t. VII. Roma, 1967; The Prosopography of the Later Roman Empire, by A. H. M. Jones, J. R. Mantindale, J. Morris, v. I: A. D. 260—395. Cambridge, 1971.

⁴ История Византии, т. 1. М., 1967, стр. 164—218.

⁵ З. В. Удальцова. Из истории византийской культуры раннего средневековья (Мировоззрение византийских историков IV—VII столетий).— В сб.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972, стр. 260—264; Ее же. Мировоззрение византийского историка V в. Приска Панийского.— ВВ, т. 33, 1972, стр. 47—74; Ее же. Евнапий из Сард — идеолог угасающего язычества.— АДСВ, вып. 10. Свердловск, 1973, стр. 70—75.

⁶ Об этом см.: Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л., 1971, стр. 130—167 и сл.

⁷ «На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с нею порожденной оппозиции» (Ф. Энгельс. Письмо Конраду Шмидту, 27 окт. 1890 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 37, стр. 417).

⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 9, 27, 354—355; т. 8, стр. 29.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 65.

¹⁰ См.: В. Велков. Селото и градът в Тракия и Дакия през IV—V в. от н. е.— ИП, 1965, № 4, с. 33.

¹¹ По Иордану (Iord., Get. 140), грабежи готов территориально охватили Фессалию, Эпир, Ахайю и Паннонию. Ср.: L. Schmidt. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. Bd. I. Die Ostgermanen. München, 1941, S. 416.

¹² А. Д. Дмитриев. Восстание вестготов на Дунае и революция рабов.— ВДИ, 1950, № 1, стр. 72 сл.

¹³ О военно-политических последствиях битвы под Андрианополем см.: В. Stallknecht. Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306—395 n. Chr.). Bonn, 1967, S. 74 f.; J. Straub. Die Wirkung der Niederlage bei Adrianopel auf die Diskussion über das Germanenproblem in der spätrömischen Literatur.— "Philologus", 95, 1943, S. 255 f.

¹⁴ Ср.: Г. Л. Курбатов. Восстание Прокопия (365—366 гг.).— ВВ, т. 14, 1958, стр. 3—15; История Византии, стр. 173 сл.

¹⁵ См.: А. С. Козлов. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв.— АДСВ, вып. 9. Свердловск, 1973, стр. 115 сл.

¹⁶ В ответ на требование горожан выдать им оружие для борьбы с готами Валент пригрозил расправой (Сократ, стр. 384; Созомен, стр. 473).

¹⁷ Хотя Аммиан Марцеллин упоминает о попытке Валента сдержать рост налогов (Amm. Marc., XXI, 6. 5; XXX, 9. 1), правление последнего связано с усилением налогового пресса и наступлением на курии. См.: Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке). Л., 1962, стр. 74—75, 192. В 60-е гг. IV в. правительство издало ряд указов, усиливших контроль земельной знати над куриалами, в том числе ввело должность *defensor civitatis*, что, видимо, помогало плебсу противостоять тираннии влиятельных лиц. Ср.: История Византии, стр. 175; E. Demougeot. De l'unité a la division de l'Empire romain (395—410). Essai sur le gouvernement imperial. P., 1951, p. 40—41.

- ¹⁸ E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. I. Wien, 1928, S. 319; B. Stalknecht. Untersuchungen..., S. 74—75.
- ¹⁹ Когда Феодосий еще пребывал в Фессалии, готовясь к войне с варварами, «многие, стекающиеся отовсюду с общественным и частным делом, удалялись, получив приличествующее» (Zosim., IV, 25. 1). Кроме того, указ, адресованный префекту претория Флору, существенно улучшал положение рудокопов (Cod Just., XI, 7(6). 3), которые проявили себя социально опасным элементом в ходе восстания готов (Amm. Mars. XXXI, 6.6). Однако, например, два закона 380 г., угрожающие казнью соглашениям, которых использовали алчные магистраты (Cod Theod., X, 10. 12—13), едва ли были призваны серьезно смягчить оппозицию.
- ²⁰ R. Remondon. La crise de l'Empire Romain de Marc — Aurele à Anastase. P., 1964, p. 190.
- ²¹ B. Stalknecht. Untersuchungen..., S. 75.
- ²² Наиболее рельефно это выражено у Иордана. Когда Феодосий, amator pacis generis Gothorum, узнал, что «Грациан установил союз между готами и римлянами, — чего он и сам желал, — он воспринял это с радостью и со своей стороны согласился на этот мир» (Цит. по: Иордан. О происхождении и деяниях готов. Getica. Пер. Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 94). Далее Иордан описывает милости, оказанные Атанариху. Ср.: Marc. comes, p. 60. 22: «Аланов, гуннов, готов — скифские племена — он (Феодосий. — А. К.) победил в великих и многочисленных сражениях». См. то же у Орозия (Oros., VII, 34.7) и у Зосима (Zosim., IV, 25).
- ²³ В. Т. Суротенко. Фемистий о положении на дунайской границе и о борьбе крестьян и рудокопов против готов. — АДСВ, вып. 10. Свердловск, 1973, стр. 291—292.
- ²⁴ E. Demougeot. De l'unité..., p. 18—19; Ср.: A. Deleage. La capitation dans le Bas-Empire. Macon, 1945, p. 5 sq.
- ²⁵ Ср.: E. Demougeot. De l'unité..., p. 41.
- ²⁶ Claud., In Ruf. I, v. 45 sq; IV Cons. Hon., v. 41.
- ²⁷ Так было, например, после смещения префекта претория Тациана (Cod. Theod., IX, 42.12—13; 38.9).
- ²⁸ Ch. Saumagne. Du rôle de "L'origo" et du "census" dans la formation du colonat romain. — Byz., XII, 1937, p. 511.
- ²⁹ R. Remondon. La crise..., p. 203.
- ³⁰ История Византии, стр. 179.
- ³¹ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 193—194.
- ³² М. Я. Сюзюмов. Проблема социально-политической сущности арианства. — В кн.: Сборник материалов научной сессии вузов Уральского экономического района. Исторические науки. Свердловск, 1963, стр. 181.
- ³³ Там же, стр. 182.
- ³⁴ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 194.
- ³⁵ R. Remondon. La crise..., p. 194.
- ³⁶ Подробно см.: Н. И. Чернявский. Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913, стр. 194—200; K.-L. Noethlichs. Die gesetzgeberischen Maßnahmen der christlichen Kaiser des vierten Jahrhunderts..., Köln, 1971.
- ³⁷ K.-L. Noethlichs. Die gesetzgeberischen Maßnahmen..., S. 136—139.
- ³⁸ R. Remondon. La crise..., p. 194.
- ³⁹ A. Deleage. La capitation..., p. 242 sq.
- ⁴⁰ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 211—212.
- ⁴¹ Ср.: M. T. W. Arnheim. The senatorial aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972, p. 100—102.
- ⁴² B. Kötting. Christentum und heidnische Opposition in Rom am Ende des 4. Jahrhunderts. Münster, 1961, S. 38.
- ⁴³ Synes., De regno, 20.
- ⁴⁴ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 214.
- ⁴⁵ Подробнее см.: Н. Н. Розенталь. Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи. — Уч. зап. Одесск. ун-та, вып. 49. Сб. науч. работ историч. ф-та, т. 2, 1947, стр. 93.
- ⁴⁶ По Зосиму, Либаний, прибыв в столицу, своей речью отвратил от антиохийцев гнев Феодосия (Zosim., IV, 41.2).
- ⁴⁷ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 223, 227—228.

⁴⁸ K.-L. Noethlichs. Die gesetzgeberischen Maßnahmen..., S. 166 f.

⁴⁹ Ibid., S. 169.

⁵⁰ «Пасхальная хроника», резюмируя использованные в ней компилятивные выкладки, довольно точно отразила взгляд многих современников на подобные факты: «Прославленный Константин, процарствовав, только запер святыни и храмы эллинов, а этот Феодосий — уничтожил (их)...» (Chron. Pasch., p. 561. 10—12). Наиболее краткая и, вместе с тем, насыщенная информация — у Малалы. Отметив, что «все храмы эллинов... император Феодосий уничтожил до основания», он последовательно рассказывает об уничтожении святилищ в Гелиополе, Дамаске, Константинополе и т. д. (Malal., p. 344.19 sg).

⁵¹ R. van Loy. Le "Pro Templis" de Libanius.— Byz., 1933, p. 19 sq.

⁵² Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город, стр. 246—247.

⁵³ R. Remondou. La crise..., p. 197.

⁵⁴ З. В. Удальцова. Из истории византийской культуры..., стр. 263.

⁵⁵ W. E. Kaegi. Byzantium..., p. 84.

⁵⁶ Ibid., p. 123.

⁵⁷ Особенно наглядно это представлено в рассказе об истолковании мошенником-префектом закона о жалобах подчиненных на начальство (Eunap., p. 269.25).

⁵⁸ G. Stühff. Vulgarrecht im Kaiserrecht unter besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung Konstantins des Großen. Weimar, 1966, S. 92 f.

⁵⁹ Н. И. Чернявский. Император Феодосий Великий..., стр. 519.

⁶⁰ Там же, стр. 461.

⁶¹ K.-L. Noethlichs. Die gesetzgeberischen Maßnahmen..., S. 150 f.

⁶² Н. И. Чернявский. Император Феодосий Великий..., стр. 466.

⁶³ История Византии, стр. 176.

⁶⁴ Там же.